

Тонька-пулеметчица

Эту женщину в России не любят вспоминать. Именно поэтому, многие принимают ее историю за страшную военную сказку, показывающую какая жестокая бывает война. Но ее история, история единственной в мире женщины, лично убившей полторы тысячи человек, в основном своих соотечественников, история единственной женщины, расстрелянной после войны, не является мифом. Она была и ее надо помнить.

Введение

Тонька-пулеметчица, как ее называли тогда, работала на оккупированной немецкими войсками советской территории с 41-го по 43-й годы, приводя в исполнение массовые смертные приговоры фашистов партизанским семьям.

Передергивая затвор пулемета, она не думала о тех, кого расстреливает - детей, женщин, стариков - это было для нее просто работой. "Какая чушь, что потом мучают угрызения совести. Что те, кого убиваешь, приходят по ночам в кошмарах. Мне до сих пор не приснился ни один", - говорила она своим следователям на допросах, когда ее все-таки вычислили и задержали - через 35 лет после ее последнего расстрела.

Уголовное дело брянской карательницы Антонины Макаровой-Гинзбург до сих пор покоится в недрах спецхрана ФСБ. Доступ к нему строго запрещен, и это понятно, потому что гордиться здесь нечем: ни в какой другой стране мира не родилась еще женщина, лично убившая полторы тысячи человек.

Тридцать три года после Победы эту женщину звали Антониной Макаровной Гинзбург. Она была фронтовичкой, ветераном труда, уважаемой и почитаемой в своем городке. Ее семья имела все положенные по статусу льготы: квартиру, знаки отличия к круглым датам и дефицитную колбасу в продуктовом пайке. Муж у нее тоже был участник войны, с орденами и медалями. Две взрослые дочери гордились своей мамой.

На нее равнялись, с нее брали пример: еще бы, такая героическая судьба: всю войну прошагать простой медсестрой от Москвы до Кенигсберга. Учителя школ приглашали Антонину Макаровну выступить на линейке, поведать подрастающему поколению, что в жизни каждого человека всегда найдется место подвигу. И что самое главное на войне - это не бояться смотреть смерти в лицо. И кто, как не Антонина Макаровна, знал об этом лучше всего...

Ее арестовали летом 1978-го года в белорусском городке Лепель. Совершенно обычная женщина в плаще песочного цвета с авоськой в руках шла по улице, когда рядом остановилась машина, из нее выскочили неприметные мужчины в штатском и со словами: "Вам необходимо срочно проехать с нами!" обступили ее, не давая возможности убежать.

"Вы догадываетесь, зачем вас сюда привезли?" - спросил следователь брянского КГБ, когда ее привели на первый допрос. "Ошибка какая-то", - усмехнулась женщина в ответ.

"Вы не Антонина Макаровна Гинзбург. Вы - Антонина Макарова, больше известная как Тонька-москвичка или Тонька-пулеметчица. Вы - карательница, работали на немцев, производили массовые расстрелы. О ваших зверствах в деревне Локоть, что под Брянском, до сих пор ходят легенды. Мы искали вас больше тридцати лет - теперь пришла пора отвечать за то, что совершили. Сроков давности ваши преступления не имеют".

"Значит, не зря последний год на сердце стало тревожно, будто чувствовала, что появитесь, - сказала женщина. - Как давно это было. Будто и не со мной вовсе. Практически вся жизнь уже прошла. Ну, записывайте..."

Рождение легенды

Из протокола допроса Антонины Макаровой-Гинзбург, июнь 78-го года:

"Все приговоренные к смерти были для меня одинаковые. Менялось только их количество. Обычно мне приказывали расстрелять группу из 27 человек - столько партизан вмещала в себя камера. Я расстреливала примерно в 500 метрах от тюрьмы у какой-то ямы. Арестованных ставили цепочкой лицом к яме. На место расстрела кто-то из мужчин выкатывал мой пулемет. По команде начальства я становилась на колени и стреляла по людям до тех пор, пока замятство не падали все..."

"Сводить в крапиву" - на жаргоне Тони это означало повести на расстрел. Сама она умирала трижды. Первый раз осенью 41-го, в страшном "вяземском котле", молоденькой девчонкой-санинструкторшей. Гитлеровские войска тогда наступали на Москву в рамках операции "Тайфун". Советские полководцы бросали свои армии на смерть, и это не считалось преступлением - у войны другая мораль. Больше миллиона советских мальчишек и девчонок всего за шесть дней погибли в той вяземской мясорубке, пятьсот тысяч оказались в плену. Гибель простых солдат в тот момент ничего не решала и не приближала победу, она была просто бессмысленной. Так же как помощь медсестры мертвецам...

19-летняя медсестра Тоня Макарова, очнулась после боя в лесу. В воздухе пахло горелой плотью. Рядом лежал незнакомый солдат. "Эй, ты цела еще? Меня Николаем Федчуком зовут". "А меня Тоней", - она ничего не чувствовала, не слышала, не понимала, будто душу ее контузили, и осталась одна человеческая оболочка, а внутри - пустота. Потянулась к нему, задрожав: "Ма-а-амочка, холодно-то как!" "Ну что, красивая, не плачь. Будем вместе выбираться", - ответил Николай и расстегнул верхнюю пуговицу ее гимнастерки.

Три месяца, до первого снега, они вместе бродили по чащобам, выбираясь из окружения, не зная ни направления движения, ни своей конечной цели, ни где свои, ни где враги. Голодали, ломая на двоих, ворованные ломти хлеба. Днем шарахались от военных обозов, а по ночам согревали друг друга. Тоня стирала обоим портянки в студеной воде, готовила нехитрый обед. Любила ли она Николая? Скорее, выгоняла, выжигала каленым железом, страх и холод у себя изнутри.

"Я почти москвичка, - гордо врала Тоня Николаю. - В нашей семье много детей. И все мы Парфеновы. Я - старшая, как у Горького, рано вышла в люди. Такой букой росла, неразговорчивой. Пришла как-то в школу деревенскую, в первый класс, и фамилию свою позабыла. Учительница спрашивает: "Как тебя зовут, девочка?" А я знаю, что Парфенова, только сказать боюсь. Ребятишки с задней парты кричат: "Да Макарова она, у нее отец Макар". Так меня одну во всех документах и записали. После школы в Москву уехала, тут война началась. Меня в медсестры призвали. А у меня мечта другая была - я хотела на пулемете строчить, как Анка-пулеметчица из "Чапаева". Правда, я на нее похожа? Вот когда к нашим выберемся, давай за пулемет попросимся..."

В январе 42-го, грязные и оборванные, Тоня с Николаем вышли, наконец, к деревне Красный Колодец. И тут им пришлось навсегда расстаться. "Знаешь, моя родная деревня неподалеку. Я туда сейчас, у меня жена, дети, - сказал ей на прощание Николай. - Я не мог тебе раньше признаться, ты уж меня прости. Спасибо за компанию. Дальше сама как-нибудь выбирайся". "Не бросай меня, Коля", - взмолилась Тоня, повиснув на нем. Однако Николай стряхнул ее с себя как пепел с сигареты и ушел.

Несколько дней Тоня побиралась по хатам, христарадничала, просилась на постой. Сердобольные хозяйки сперва ее пускали, но через несколько дней неизменно отказывали от приюта, объясняя тем, что самим есть нечего. "Больно взгляду у нее нехороший, - говорили женщины. - К мужикам нашим пристаёт, кто не на фронте, лазает с ними на чердак, просит ее отогреть".

Не исключено, что Тоня в тот момент действительно тронулась рассудком. Возможно, ее добило предательство Николая, или просто закончились силы - так или иначе, у нее остались лишь физические потребности: хотелось есть, пить, помыться с мылом в горячей бане и переспать с кем-нибудь, чтобы только не оставаться одной в холодной темноте. Она не хотела быть героиней, она просто хотела выжить. Любой ценой. И ей это удалось.

В той деревне, где Тоня остановилась вначале, полицейских не было. Почти все ее жители ушли в партизаны. В соседней деревне, наоборот, прописались одни каратели. Линия фронта здесь шла посередине околицы. Как-то она брела по околице, полубезумная, потерянная, не зная, где, как и с кем она проведет эту ночь. Ее остановили люди в форме и заинтересовались по-русски: "Кто такая?" "Антонина я, Макарова. Из Москвы", - ответила девушка.

Ее привели в администрацию села Локоть. Полицейские говорили ей комплименты, потом по очереди "любили" ее. Затем ей дали выпить целый стакан самогона, после чего сунули в руки пулемет. Как она и мечтала - разгонять непрерывной пулеметной строчкой пустоту внутри. По живым людям.

"Макарова-Гинзбург рассказывала на допросах, что первый раз ее вывели на расстрел партизан совершенно пьяной, она не понимала, что делала, - вспоминает следователь по ее делу Леонид Савоськин. - Но заплатили хорошо - 30 марок, и предложили сотрудничество на постоянной основе. Ведь никому из русских полицаев не хотелось мारаться, они предпочли, чтобы казни партизан и членов их семей совершала женщина. Бездомной и одинокой Антонине дали койку в комнате на местном конезаводе, где можно было ночевать и хранить пулемет. Утром она добровольно вышла на работу".

Из допроса Антонины Макаровой-Гинзбург, июнь 78-го года:

"Я не знала тех, кого расстреливаю. Они меня не знали. Поэтому стыдно мне перед ними не было. Бывало, выстрелишь, подойдешь ближе, а кое-кто еще дергается. Тогда снова стреляла в голову, чтобы человек не мучился. Иногда у нескольких заключенных на груди был подвешен кусок фанеры с надписью "партизан". Некоторые перед смертью что-то пели. После казней я чистила пулемет в караульном помещении или во дворе. Патронов было в достатке..."

Бывшая квартирная хозяйка Тони из Красного Колодца, одна из тех, что когда-то тоже выгнала ее из своего дома, пришла в деревню Локоть за солью. Ее задержали полицаи и повели в местную тюрьму, приписав связь с партизанами. "Не партизанка я. Спросите хоть вашу Тоньку-пулеметчицу", - испугалась женщина. Тоня посмотрела на нее внимательно и хмыкнула: "Пойдем, я дам тебе соль".

В крошечной комнате, где жила Антонина, царил порядок. Стоял пулемет, блестящий от машинного масла. Рядом на стуле аккуратной стопочкой была сложена одежда: нарядные платица, юбки, белые блузки с рикошетом дырок в спине. И корыто для стирки на полу.

"Если мне вещи у приговоренных нравятся, так я снимаю потом с мертвых, чего добру пропадать, - объяснила Тоня. - Один раз учительницу расстреливала, так мне ее кофточка понравилась, розовая, шелковая, но уж больно вся в крови заляпана, побоялась, что не отстираю - пришлось ее в могиле оставить. Жалко... Так сколько тебе надо соли?"

"Ничего мне от тебя не нужно, - попятилась к двери женщина. - Побойся бога, Тоня, он ведь есть, он все видит - столько крови на тебе, не отстираешься!" "Ну раз ты смелая, что же ты помощи-то у меня просила, когда тебя в тюрьму вели? - закричала Антонина вслед. - Вот и погибала бы по-геройски! Значит, когда шкуру надо спасти, то и Тонькина дружба годится?"

По вечерам Антонина наряжалась и отправлялась в немецкий клуб на танцы. Другие девушки, подрабатывавшие у немцев проститутками, с ней не дружили. Тоня задирала нос, бахвалась тем, что она москвичка. С соседкой по комнате, машинисткой деревенского старосты, она тоже не откровенничала, а та ее боялась за какой-то порченный взгляд и еще за рано прорезавшуюся складку на лбу, как будто Тоня слишком много думает.

На танцах Тоня напивалась допьяна, и меняла партнеров как перчатки, смеялась, чокалась, стреляла сигаретки у офицеров. И не думала о тех очередных 27-и, которых ей предстояло казнить утром. Страшно убивать только первого, второго, потом, когда счет идет на сотни, это становится просто тяжелой работой.

Перед рассветом, когда после пыток затихали стоны приговоренных к казням партизан, Тоня вылезала тихонечко из своей постели и часами бродила по бывшей конюшне, переделанной наскоро в тюрьму, всматриваясь в лица тех, кого ей предстояло убить.

Из допроса Антонины Макаровой-Гинзбург, июнь 78-го года:

"Мне казалось, что война спишет все. Я просто выполняла свою работу, за которую мне платили. Приходилось расстреливать не только партизан, но и членов их семей, женщин, подростков. Об этом я старалась не вспоминать. Хотя обстоятельства одной казни помню - перед расстрелом парень, приговоренный к смерти, крикнул мне: "Больше не увидимся, прощай, сестра!.."

Ей потрясающе везло. Летом 43-го, когда начались бои за освобождение Брянщины, у Тони и нескольких местных проституток обнаружилась венерическая болезнь. Немцы приказали им лечиться, отправив их в госпиталь в свой далекий тыл. Когда в село Локоть вошли советские войска, отправляя на виселицы предателей Родины и бывших полицаев, от злодеяний Тоньки-пулеметчицы остались одни только страшные легенды.

Из вещей материальных - наспех присыпанные кости в братских могилах на безымянном поле, где, по самым

скромным подсчетам, покоились останки полутора тысяч человек. Удалось восстановить паспортные данные лишь около двухсот человек, расстрелянных Тоней. Смерть этих людей и легла в основу заочного обвинения Антонины Макаровны Макаровой, 1921 года рождения, предположительно жительницы Москвы. Больше о ней не знали ничего...

Возмездие

"Розыскное дело Антонины Макаровой наши сотрудники вели тридцать с лишним лет, передавая его друг другу по наследству, - рассказывал майор КГБ Петр Николаевич Головачев, занимавшийся в 70-е годы розыском Антонины Макаровой. - Периодически оно попадало в архив, потом, когда мы ловили и допрашивали очередного предателя Родины, оно опять всплывало на поверхность. Не могла же Тонька исчезнуть без следа?! Это сейчас можно обвинять органы в некомпетентности и безграмотности. Но работа шла ювелирная. За послевоенные годы сотрудники КГБ тайно и аккуратно проверили всех женщин Советского Союза, носивших это имя, отчество и фамилию и подходивших по возрасту, - таких Тонек Макаровых нашлось в СССР около 250 человек. Но - бесполезно. Настоящая Тонька-пулеметчица как в воду канула..."

"Вы Тоньку слишком не ругайте, - говорил Головачев. - Знаете, мне ее даже жаль. Это все война, проклятая, виновата, она ее сломала... У нее не было выбора - она могла остаться человеком и сама тогда оказалась бы в числе расстрелянных. Но предпочла жить, став палачом. А ведь ей было в 41-м году всего 20 лет".

Но просто взять и забыть о ней было нельзя. "Слишком страшные были ее преступления, - говорит Головачев. - Это просто в голове не укладывалось, сколько жизней она унесла. Нескольким людям удалось спастись, они проходили главными свидетелями по делу. И вот, когда мы их допрашивали, они говорили о том, что Тонька до сих пор приходит к ним во снах. Молодая, с пулеметом, смотрит пристально - и не отводит глаза. Они были убеждены, что девушка-палач жива, и просили обязательно ее найти, чтобы прекратить эти ночные кошмары. Мы понимали, что она могла давно выйти замуж и поменять паспорт, поэтому досконально изучили жизненный путь всех ее возможных родственников по фамилии Макаровы..."

Однако никто из следователей не догадывался, что начинать искать Антонину нужно было не с Макаровых, а с Парфеновых. Да, именно случайная ошибка деревенской учительницы Тони в первом классе, записавшей ее отчество как фамилию, и позволила "пулеметчице" ускользнуть от возмездия столько лет. Ее настоящие родные, разумеется, никогда не попадали в круг интересов следствия по этому делу.

Но в 76-м году один из московских чиновников по фамилии Парфенов собирался за границу. Заполняя анкету на загранпаспорт, он честно перечислил списком имена и фамилии своих родных братьев и сестер, семья была большая, целых пять человек детей. Все они были Парфеновы, и только одна почему-то Антонина Макаровна Макарова, с 45-го года по мужу Гинзбург, живущая ныне в Белоруссии. Мужчину вызвали в ОВИР для дополнительных объяснений. На судьбоносной встрече присутствовали, естественно, и люди из КГБ в штатском.

"Мы ужасно боялись поставить под удар репутацию уважаемой всеми женщины, фронтовички, прекрасной матери и жены, - вспоминает Головачев. - Поэтому в белорусский Лепель наши сотрудники ездили тайно, целый год наблюдали за Антониной Гинзбург, привозили туда по одному выживших свидетелей, бывшего карателя, одного из ее любовников, для опознания. Только когда все до единого сказали одно и то же - это она, Тонька-пулеметчица, мы узнали ее по приметной складке на лбу, - сомнения отпали".

Муж Антонины, Виктор Гинзбург, ветеран войны и труда, после ее неожиданного ареста обещал пожаловаться в ООН. "Мы не признались ему, в чем обвиняют ту, с которой он прожил счастливо целую жизнь. Боялись, что мужик этого просто не переживет", - говорили следователи.

Виктор Гинзбург закидывал жалобами различные организации, уверяя, что очень любит свою жену, и даже если она совершила какое-нибудь преступление - например, денежную растрату, - он все ей простит. А еще он рассказывал про то, как раненым мальчишкой в апреле 45-го лежал в госпитале под Кенигсбергом, и вдруг в палату вошла она, новенькая медсестричка Тонечка. Невинная, чистая, как будто и не на войне, - и он влюбился в нее с первого взгляда, а через несколько дней они расписались.

Антонина взяла фамилию супруга, и после демобилизации поехала вместе с ним в забытый богом и людьми белорусский Лепель, а не в Москву, откуда ее и призвали когда-то на фронт. Когда старику сказали правду, он посидел за одну ночь. И больше жалоб никаких не писал.

"Арестованная мужу из СИЗО не передала ни строчки. И двум дочерям, которых родила после войны, кстати, тоже ничего не написала и свидания с ним не попросила, - рассказывает следователь Леонид Савоськин. -

Когда с нашей обвиняемой удалось найти контакт, она начала обо всем рассказывать. О том, как спаслась, бежав из немецкого госпиталя и попав в наше окружение, выправила себе чужие ветеранские документы, по которым начала жить. Она ничего не скрывала, но это и было самым страшным. Создавалось ощущение, что она искренне недопонимает: за что ее посадили, что ТАКОГО ужасного она совершила? У нее как будто в голове блок какой-то с войны стоял, чтобы самой с ума, наверное, не сойти. Она все помнила, каждый свой расстрел, но ни о чем не сожалела. Мне она показалась очень жестокой женщиной. Я не знаю, какой она была в молодости. И что заставило ее совершать эти преступления. Желание выжить? Минутное помрачение? Ужасы войны? В любом случае это ее не оправдывает. Она погубила не только чужих людей, но и свою собственную семью. Она просто уничтожила их своим разоблачением. Психическая экспертиза показала, что Антонина Макаровна Макарова вменяема".

Следователи очень боялись каких-то эксцессов со стороны обвиняемой: прежде бывали случаи, когда бывшие полицейские, здоровые мужики, вспомнив былые преступления, кончали с собой прямо в камере. Постаревшая Тоня приступами раскаяния не страдала. "Невозможно постоянно бояться, - говорила она. - Первые десять лет я ждала стука в дверь, а потом успокоилась. Нет таких грехов, чтобы всю жизнь человека мучили".

Во время следственного эксперимента ее отвезли в Локоть, на то самое поле, где она вела расстрелы. Деревенские жители плевали ей вслед как ожившему призраку, а Антонина лишь недоуменно косилась на них, скрупулезно объясняя, как, где, кого и чем убивала... Для нее это было далекое прошлое, другая жизнь.

"Опозорили меня на старости лет, - жаловалась она по вечерам, сидя в камере, своим тюремщицам. - Теперь после приговора придется из Лепеля уезжать, иначе каждый дурак станет в меня пальцем тыкать. Я думаю, что мне года три условно дадут. За что больше-то? Потом надо как-то заново жизнь устраивать. А сколько у вас в СИЗО зарплата, девчонки? Может, мне к вам устроиться - работа-то знакомая..."

Антонину Макарову-Гинзбург расстреляли в шесть часов утра 11 августа 1978 года, почти сразу после вынесения смертного приговора. Решение суда стало абсолютной неожиданностью даже для людей, которые вели расследование, не говоря уж о самой подсудимой. Все прошения 55-летней Антонины Макаровой-Гинзбург о помиловании в Москве были отклонены.

В Советском Союзе это было последнее крупное дело об изменниках Родины в годы Великой Отечественной войны, и единственное, в котором фигурировала женщина-каратель. Никогда позже женщин в СССР по приговору суда не казнили.

Наверное, и самой Антонине тоже было интересно хоть раз в жизни посмотреть на казнь глазами жертвы, а не палача...

Renascentia

Автор: Артур Скальский © Babr24.com ИСТОРИЯ, РОССИЯ 👁 10217 24.04.2009, 17:42 🔄 289

URL: <https://babr24.com/?ADE=77155> Bytes: 20051 / 19939 Версия для печати

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Свяжитесь с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](https://t.me/bur24_link_bot)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](https://t.me/irk24_link_bot)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](https://t.me/kras24_link_bot)
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](https://t.me/nsk24_link_bot)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](https://t.me/tomsk24_link_bot)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](https://t.me/babrobot_bot)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)